

Теософія и графъ Л. Н. Толстой.

(Лекція доктора Р. Штейнера, произнесенная 3 ноября 1904 г. въ Берлинѣ).

Жизнь и форма—вотъ два представленія, которыя ведутъ насъ черезъ лабиринтъ міровыхъ явленій. Въ тысячахъ и тысячахъ формъ проявляется жизнь. Она выражается въ безконечномъ разнообразіи; иначе она не могла бы проявляться внѣшнимъ образомъ если бы не облекалась все въ новые и новые образы. Форма есть откровеніе жизни; но все окаменѣло бы, если бы форма силою жизни не возобновлялась и не измѣнялась бы.

И въ духовной жизни человѣка форма постоянно мѣняется; жизнь вливается и въ этой области въ разнообразныя и все новыя формы; но форма окаменѣла бы, если бы изъ нея не изливалась постоянно новая жизнь. И мы видимъ, что съ перемѣной столѣтій мѣняется и жизнь въ многообразныхъ формахъ и образахъ.

Одна изъ старѣйшихъ формъ духовной жизни есть Ведантская культура индусовъ. За ней слѣдуетъ Халдейско-Вавилонская, затѣмъ Греко-Римская, затѣмъ культура Среднихъ вѣковъ.

Характерная черта нашего вѣка—культура формы; это вѣкъ формы, вѣкъ, въ которомъ человѣкъ научился изживаться въ формѣ. Въ Дарвинѣ мы имѣемъ тому блистательный примѣръ. Онъ изслѣдовалъ происхожденіе видовъ, животныхъ и растений, борьбу за существованіе. Онъ утверждаетъ, что жизнь растений и животныхъ проявляется въ самыхъ разнообразныхъ и мѣняющихся формахъ, но что по его убѣжденію изъ начала существовали формы, въ которыя Творецъ вдохнулъ жизнь. Все его ученіе направлено на внѣшній видъ, на форму, но самую жизнь онъ при этомъ не видитъ, на жизнь его вниманіе не устремлено.

Посмотримъ на наше столѣтіе въ области искусства. Самое выдающееся явленіе въ этой области натурализмъ. Боевымъ лозунгомъ „натурализмъ“ характеризуется наше время. Золя является представителемъ этого направленія. Золя описываетъ различныя уклоненія человѣческой жизни. Натуралисты устремляютъ взоръ на то, что выражаютъ собой внѣшнія формы человѣческаго бытія.

Современная соціологія имѣетъ дѣло съ внѣшнимъ устроеніемъ жизни. Матеріализмъ не занятъ отдѣльными экономическими формами жизни съ послѣдствіями общественнаго строенія. Постоянно приходится слышать отъ соціологовъ такія рѣчи: „Намъ нѣтъ дѣла до этики, до нравственности! Поставьте человѣка въ лучшее положеніе и онъ самъ измѣнитъ свою жизнь“. Въ марксизмѣ ясно выразилось, что для неимущихъ классовъ экономическія условія жизни являются руководящимъ началомъ. При этомъ все устремлено на внѣшній бытъ.

Если мы посмотримъ на величайшаго писателя нашего времени—Генриха Ибсена, то мы увидимъ, что его взоръ постоянно устремленъ на формы человѣческаго бытія, что проявленіе жизни въ формахъ приводитъ его положительно въ отчаяніе. Онъ показываетъ, какъ современная жизнь, закованная въ формы, вызываетъ постоянныя противорѣчія и какъ сама жизнь погибаетъ подъ ярмомъ всѣхъ существующихъ жизненныхъ формъ. Въ поэмѣ „Когда проснутся мертвые“ Ибсенъ стремится представить, какъ современемъ человѣческому взору предстанетъ жизнь за всѣми этими окаменѣвшими формами. Въ этомъ заключается идея ибсенскихъ драмъ. Онъ разсматриваетъ культуру формъ Запада; его взоръ устремленъ лишь на внѣшнюю форму жизни.

Наша 5-я арійская человѣческая раса прошла черезъ исполненную духа жизнь старо-Ведантской культуры къ возрѣнію, что вся природа одарена душой. У древнихъ грековъ даже философы мыслятъ весь міръ, всю вселенную одушевленной, но понять отдѣльную душу они еще не въ состояніи. Кто, знакомясь съ возрѣніями среднихъ вѣковъ, изучаетъ философію Джордано Бруно, тотъ убѣждается, что его понятія вращались вокругъ міровой жизни. Въ позднѣйшія времена жизнь въ понятіи людей теряется все болѣе въ сложности внѣшнихъ формъ. Но это явленіе не болѣе, какъ необходимая ступень развитія. Подобно тому, какъ у растенія все выливается во внѣшнюю форму, такъ же и въ современной культурѣ жизнь выливается во внѣшнемъ строѣ. Понять это, какъ безусловную необходимость, должна Теософія.

Такимъ образомъ мы имѣемъ культуру формъ въ наукѣ, культуру формъ въ натурализмѣ и культуру формъ въ социологіи.

Теперь приблизилось время, когда необходимъ поворотъ человѣческаго духа. Новая, многообъщающая жизнь должна влиться въ формы.

Въ воззрѣніяхъ Толстого на различные человѣческіе типы (Войнѣ и мирѣ, Аннѣ Карениной, Солдатскихъ разсказахъ, въ Кавказскихъ очеркахъ и т. д.) мы находимъ совершенно другое основное настроеніе, другой основной тонъ, чѣмъ въ натурализмѣ Запада. Всюду ищетъ Толстой живую душу, упрощенныя линіи души. Ихъ онъ рисуеъ на всевозможныхъ ступеняхъ, въ разнообразныхъ формахъ жизни. *Что такое жизнь?* Вотъ основной вопросъ произведеній Толстого. Онъ находитъ возможнымъ понимать жизнь тамъ, гдѣ она повидимому переходитъ въ смерть. Каково должно быть отношеніе къ жизни матеріалиста, который видитъ съ тяжелымъ страхомъ, какъ завершеніе каждой жизни, явленіе смерти? И въ своемъ воззрѣніи на смерть Толстой ушелъ далеко впередъ.

Въ его разсказѣ „Смерть Ивана Ильича“ художественно представлено соотвѣтствіе между внутреннею жизнью и выраженіемъ различныхъ ея формъ. Онъ изображаетъ человѣка тяжело больного. Онъ изображаетъ, какъ Иванъ Ильичъ въ тѣлесномъ находитъ выраженіе душевнаго, какъ душа приводитъ тѣло къ болѣзни, когда сама она уже больна. Онъ испытуетъ согласіе между жизнью и формой, и это выступаетъ въ художественномъ изображеніи. Иванъ Ильичъ понимаетъ смерть какъ изліяніе собственной сущности въ небытіе. Онъ чувствуетъ переходъ одной формы жизни въ другую. Онъ теряетъ связь съ міромъ. Съ этимъ чувствомъ онъ засыпаетъ и переходитъ въ новое бытіе.

Левъ Толстой истинный искатель жизни, вопроситель загадки жизни въ мѣняющихся, разнообразныхъ формахъ. И не могло быть иначе: загадка жизни должна быть сосредоточеніемъ всего его міровоззрѣнія. Всюду онъ ищетъ охватить смыслъ жизни. Вездѣ— гдѣ онъ выступаетъ, онъ является провозвѣстникомъ новой эпохи жизни.

Во всей его полемикѣ и критикѣ западной культуры мы видимъ, что онъ представитель новой жизненной культуры. Онъ не въ состояніи примириться съ перезрѣлой культурой Запада. Науку, религію, искусство, экономически-соціальныя формы Запада—все критикуеъ онъ. Во всемъ ищетъ онъ уловить самую жизнь и ставитъ онъ всегда впередъ.

Вся наука Запада построена на изслѣдованіи формы. Последняя стоитъ вездѣ на первомъ планѣ. Припомнимъ, какъ всѣ изслѣдователи на Западѣ снова и снова признаются, какъ безпомощно стоятъ они передъ загадкой жизни. „Ignorabimus“ Дюбуа Раймонда, агностицизмъ отчаялся понять жизнь, разобраться въ смыслѣ жизни.

Левъ Толстой нашелъ истинное начало для обоснованія жизни. Онъ говоритъ въ своемъ произведеніи: „Въ чемъ смыслъ жизни“ (гл. XII):

„Ложное знаніе нашего времени принимаетъ, что мы знаемъ то, чего не можемъ знать, и не знаемъ того, что мы можемъ знать... То, что несомнѣнно извѣстно человѣку — его разумное сознаніе, кажется ему непознаваемымъ потому что оно не просто, а то, что несомнѣнно непостижимо для него, безграничное и вѣчное вещество,—то и кажется ему познаваемымъ, потому что оно по удаленію своему отъ него кажется ему просто. Вѣдь это какъ разъ наоборотъ“.

Наука Запада изучаетъ безжизненную матерію, чтобы познать жизнь. Она изслѣдуетъ только форму, въ которой жизнь появляется. Толстой говоритъ: „Мы должны жить лишь въ себѣ и тогда мы познаемъ жизнь“. Жизнь есть ближайшее, въ чемъ мы пребываемъ. Думающіе, что вселенную можно понять, исходя изъ формъ, совсѣмъ не понимаютъ ея. Понять ее можно лишь тогда, когда постигнешь самую суть жизни. И для того, чтобы вѣрно понять форму, нужно признать, что она истекаетъ изъ центра жизни.

Далѣе мы находимъ въ произведеніи Толстого „Жизнь“ (гл. XIV) слѣдующее:

„Какъ бы ни были сильны и быстры движенія человѣка въ бреду, въ сумасшествіи или въ агоніи, въ пьянствѣ, въ порывѣ страсти даже, мы не признаемъ человѣка живымъ, не относимся къ нему, какъ къ живому человѣку, и признаемъ въ немъ только возможность жизни. Но какъ бы слабъ и неподвиженъ ни былъ человѣкъ, если мы видимъ, что животная личность его подчинена разуму, то мы признаемъ его живымъ и такъ и относимся къ нему“.

Толстой говоритъ въ одномъ изъ своихъ разсужденій по поводу жизни, что внѣшняя форма пріобрѣтаетъ лишь тогда для насъ смыслъ, когда мы непосредственно схватываемъ самый разумъ, внутреннее, самое существенное въ жизни. Никогда нельзя проникнуть въ истинную жизнь, исходя изъ познания формы.

Наоборотъ, исходя изъ жизни, мы можемъ получить вѣрное понятіе о формѣ.

Толстой спрашиваетъ себя, какъ можемъ мы превратить нашу человѣческую жизнь въ истинную жизнь? Нѣкоторые ставятъ вопросъ: какъ прійти къ удовлетворенію моей непосредственной жизни? Этотъ вопросъ захватываетъ большую глубину, по мнѣнію Толстого. На высшей ступени стоящій человѣкъ тотъ, котораго заботитъ общее благо и который думаетъ не только о своей собственной внѣшней жизни, но и о томъ, чтобы радость жизни удовлетворялась въ каждомъ отдѣльномъ существѣ. Такой человѣкъ вѣритъ, что не отдѣльное личное благо должно быть цѣлью, а благоденствіе всѣхъ людей, взятыхъ вмѣстѣ. На самомъ же дѣлѣ ни благоденствіе одного, ни благоденствіе многихъ не можетъ быть цѣлью жизни.

Чему должны мы подчиниться? Мы должны подчиниться тому, что внутри насъ требуетъ блага и счастья. Въ многочисленныхъ формахъ жизни это является само собой. Мы должны измѣрять внутренніе, нравственные идеалы по тому, что возникаетъ свободно въ душѣ, что повелѣваетъ Богъ, живущій въ глубинѣ души.

Толстой ссылается на христіанство, которое онъ считаетъ истиннымъ христіанствомъ. Онъ говоритъ, что мы должны исполниться тѣмъ Богомъ, который въ насъ. Мы не должны изживаться въ формахъ, а должны возвращаться къ первоначальному, къ вѣчной жизни, къ божественной жизни въ насъ самихъ:

„Законъ, который мы познаемъ въ насъ самихъ, какъ законъ нашей жизни, есть тотъ самый законъ, по которому совершаются всѣ внѣшнія явленія міра, но съ той разницей, что мы въ себѣ познаемъ этотъ законъ, какъ то мы сами должны совершить“.
(„Жизнь“, X гл.).

Если человѣкъ извлекаетъ изъ глубины своей души свои идеалы, которые Богъ вложилъ въ нее, тогда человѣкъ постигъ истинный смыслъ жизни. Это и есть внутренняя праведность, создаваемая вдохновеніемъ.

Толстой пробуетъ возстановить то, что онъ называетъ первобытнымъ христіанствомъ. Христіанскія формы онъ стремится наполнить новою жизнью. При этомъ Толстой не устаетъ снова и снова указывать, что жизнь появляется все въ новыхъ формахъ. Нужно отойти отъ запутанности искусственнаго міровоззрѣнія, отъ искусственности общественной жизни. Онъ производитъ строгую элиминацію различныхъ культурныхъ формъ Запада, западной науки,

которая застыла въ своихъ догматахъ. Ревнители учености на Западѣ показываютъ чисто поповскій духъ догматизма.

Онъ строго осуждаетъ западныя соціальныя формы и то возрѣніе на культуру, которое видитъ высшую жизнь во внѣшнемъ благѣ, хотя бы это благо и распространилось уже не на отдѣльныхъ лицъ, а и на всѣхъ. Соціализмъ стремится измѣнить однѣ лишь внѣшнія формы жизни.

Толстой говорить, что исключительная культура формы привела къ искаженію многія стороны общественной жизни. По этому Толстой не даетъ догматическихъ идеаловъ морали; онъ требуетъ перестройки человѣческой души. Онъ говорить, что именно потому, что люди потеряли свою душу и промѣняли ее на внѣшнія формы, именно потому жизнь наполнилась страданіемъ. Люди *должны* будутъ перестроить свою душу.

Въ этихъ мысляхъ мы имѣемъ зачатки новой жизненной культуры. Восходящій путь развитія намѣчается въ нихъ. Левъ Толстой видитъ возможность новаго расцвѣта жизни въ народѣ, который еще чуждъ культурнымъ формамъ Запада, въ народѣ европейскаго Востока, въ Славянахъ. Онъ провидитъ будущее. Его критика относится ко всей земной эволюціи, которая даетъ указаніе на переходъ формъ и на новую чреватую жизнью зарю чело-вѣчества.

Нужно быть плохимъ теософомъ, чтобы не понять такое явленіе, какъ Левъ Толстой. Теософъ долженъ превратить содержаніе древней мудрости въ свое собственное содержаніе, ибо древняя мудрость показываетъ намъ, какъ въ самыхъ разнообразныхъ превращеніяхъ снова и снова проявляется одна и та же единая жизнь.

Древнее ученіе мудрости указываетъ и на то, что мы должны будить въ себѣ внутреннюю жизнь, если хотимъ понимать жизнь окружающаго насъ міра. Древняя мудрость говорить и о томъ, что мы должны развиваться для будущаго, что мы стоимъ у исходной точки новой міровой эры.

Наши умственные завоеванія достигли высшаго торжества въ культурныхъ формахъ современной Европы. Разумъ выдвигаетъ преобладаніе формы во всѣхъ общественныхъ построеніяхъ. Мы стоимъ на порогѣ новой эпохи, когда разуму надлежитъ повернуть по новому пути, который поведетъ чело-вѣка къ перестройкѣ внутренней жизни.

Въ этомъ коренится и смыслъ главнаго положенія теософическаго общества относительно всеобщаго чело-вѣческаго братства;

оно стремится дать новую форму всей совокупной человеческой жизни.

Наше время привело къ разсудочной культурѣ. Слѣдующая раса введетъ исполненную любви интеллектуальность. Тамъ, гдѣ способности человѣка растворяются въ хаосъ формъ, тамъ теряется познаніе идеальной жизни. Левъ Толстой, въ своей непосредственности, высказываетъ нѣчто подобное, разбирая человеческую жизнь.

„Но личность не содержитъ въ себѣ разумнаго сознанія. Личность есть свойство животнаго и животной части человѣка. Разумное сознаніе принадлежитъ одному человѣку“.

Только тогда, когда человѣкъ становится безличнымъ, когда внѣличная жизнь начинаетъ дѣйствовать въ немъ, тогда онъ переходитъ даже среди развивающейся *внѣшней* общественности изъ культуры формъ къ культурѣ жизни. Лишь тогда человѣкъ научается жить праведно, имѣя въ виду будущее, когда онъ отдаетъ свои силы вѣчному, непреходящему. Культура мудрости, культура буддхи, должна замѣнить разсудочную культуру. Доказательство тому тѣ живыя силы, которыя, проявляются въ самой жизни. Мы должны признать ихъ и вѣрно понять.

Величіе Толстого въ томъ и состоитъ, что для него идеалы заключены не въ матеріальной, внѣшней жизни, а истекаютъ изъ человеческой души.

Истинный теософъ не долженъ оставаться слѣпымъ къ явленіямъ, въ которыхъ обѣтованіе будущаго; онъ не только не долженъ отходить отъ жизни, но умѣть примѣнять Теософію непосредственно къ живымъ явленіямъ. Какъ Теософія поднимаетъ насъ къ высшимъ мірамъ, такъ и мы должны вносить духовное въ земную жизнь. И мы должны понимать, что причины земныхъ явленій нужно искать въ духовномъ мірѣ. Теософъ долженъ оставаться въ жизни, понимать духъ своего времени и сознать духовныя причины, лежащія въ основѣ различныхъ историческихъ эпохъ.

Перев. Е. П.

